

© 2023 **Г.Н. Горшенков**

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Рассматривается проблема интеграции уголовно-правовых наук в условиях системной криминальной угрозы преступности национальной безопасности России. Представлен ретроспективный взгляд на интеграционную роль криминологии и уголовного права как системного интегратора в оптимизации средств противодействия преступности. Указывается главный фактор, препятствующий этому, – разобщенность уголовно-правовых наук и практик ввиду недооценки фактологического обоснования законодательства и соответствующего обеспечения его реализации. Рассматривается сущность единения и объединения уголовно-правовых наук и практик.

Ключевые слова: научная специальность, хаос, самоорганизация, системный интегратор, двуединство, солидаризация, фактологическое обоснование.

Г.Н. Горшенков

Профессор кафедры уголовного права
и процесса юридического факультета
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского,
доктор юридических наук, профессор

Современная научная специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» объединяет все основные и вспомогательные уголовно-правовые науки. Данное объединение научных дисциплин, а соответственно и практик, рассматривается исследователем как начало нового порядка (подхода) к изучению преступления и наказания, а шире – преступности и противодействия ей.

Суть этого порядка заключается в том, что предмет научного изучения рассматривается под новым углом методологического взгляда, в частности, на *самоорганизацию* сложной системы. Назовем ее «Уголовно-правовые науки». На сегодня эта система представляет собой категорию должного. Самоорганизацию ее можно представить лишь на первой стадии – хаоса. Ну разве что чуть заметно переходящую в лучшее качество.

Под новым углом методологического зрения (имеется в виду – системно-синергетического подхода) *хаос* рассматривается отнюдь не как олицетворение беспорядка, а, наоборот, как первоначальное состояние порядка: *целесообразное единение* однородных компонентов в единую общность. А это и есть начало возникновения самоорганизации. Потом из хаоса должна возникнуть определенная структура с установившимися, устойчивыми взаимосвязями между автономными в прошлом объектами, ныне превращенными в элементы упорядоченной системы¹.

Процесс самоорганизации возникает и развивается в силу прежде всего внутренних факторов, без *целенаправленного* внешнего воздействия. Например, самоорганизация преступности как системы (социально-правового явления) происходит благодаря таким производящим силам (факторам), как криминальная культура с ее составляющими – криминальными законами, обычаями, традициями, рецидивом, профессионализмом, самообразованием и профессиональной подготовкой (особенно в местах лишения свободы).

Ныне самоорганизация преступного произвола вылилась в «криминальное общество» как подструктуру российского общества, которое имеет продуманную структуру, бюджет (не путать с «общаком»), криминальную идеологию, политическую систему и криминальную политическую власть².

Можно себе представить, какой по уровню (качеству) должна быть самоорганизация противопреступной системы. В особенности системы под кодовым названием 5.1.4. Какие внутренние *факторы самоорганизации* имеют в ней место? Исследователь задается этим вопросом, а на ум приходит другое, противоположное – *факторы дезорганизации*.

Еще академик В.В. Лунеев указывал на безразностный факт существования огромной дистанции между «высокопарной» юридической наукой и «земной» криминологией. Начиная с XVII века и до сего дня, пишет ученый, «между теорией уголовного права и системным изучением криминальных реалий или криминологией не возникло крайне необходимого тесного научно-практического сотрудничества»³.

Отсюда, например, страдает законодательное мышление, которое, «будучи теоретически высоко значимым, имеет "сказочное" отношение к реальности... законы разрабатываются не на основе фундаментального анализа и прогноза реалий, а на основе теоретических суждений и предположений»⁴. Соответственно, то же самое происходит, как правило, и в политике противодействия преступности.

Очевидно, что в числе факторов самоорганизации системы «уголовно-правовые науки и практики» нужен *системный интегратор*, специализирующийся «на объединении составляющих подсистем в единое целое и обеспечении того, чтобы эти подсистемы функционировали совместно»⁵.

А теперь вернемся к указанной В.В. Лунеевым дате – XVII век. Именно тогда еще возникла проблема системной интеграции наук, изучающих преступление как социально-правовое явление, *форма* которого определялась и изучалась уголовным правом, можно сказать, как буква закона, а *содержание* (дух закона) представляло научный интерес преимущественно для криминологии, в знаниях которой была крайне заинтересована уголовная политика. Данное обстоятельство, как мы помним, отмечал еще Ф. Лист, допуская возможность изучения преступления с двух точек зрения: *технико-юридической* и *естественно-научной*.

Рассматривая уголовное право как своего рода юридический инструмент («совокупность правовых норм»), посредством которого государство связывает юридические последствия преступного деяния с наказанием (Ф. Лист), приходишь к мысли о необходимости овладения искусством пользования данным инструментом. Таковым искусством и является уголовная политика, которая должна опираться на научное исследование, во-первых, *преступления*, как фактического явления, и его причин; во-вторых, уголовно-правовых *средств борьбы* с преступлением.

Исследования эти возлагались на криминологию, в которой Ф. Лист выделял: а) *криминальную биологию*, или антропологию, и б) *криминальную социологию*. К задачам антропологии Лист относил изучение преступления как акта поведения отдельного человека, его склонность к преступлению, индивидуальные осо-

бенности и условия совершения преступления. Задача криминальной социологии заключала в себе более широкий предмет изучения преступления, т. е. как явления общественной жизни и прежде всего социальных причин⁶.

Таким образом, ученый считал криминологические знания чрезвычайно необходимыми для уголовной политики. При этом он подчеркивал важность исследования причин совершения преступлений, которые нередко коренятся не столько в нравственном падении преступника, сколько в несовершенствах общества. Исходя из этих посылов, Лист и определял уголовную политику как «*систематическую совокупность оснований, опирающихся на научное исследование причин преступления и действия, производимого наказанием, — оснований, соотносясь с которыми государство при помощи наказания и родственных ему институтов должно бороться с преступлением*»⁷.

В связи с таким новым – криминологическим – направлением юридического учения о преступлении возник вопрос: как совместить уголовное право и уголовную политику с криминологией?

Анализируя родственные – французский, итальянский, немецкий – термины, в том числе «пенология», «криминология», Лист отверг их, находя тот и другой «слишком тесными»: *пенология* – не охватывает «преступление», а *криминология* – не включает «наказание». Оставалось «удержать выражение – «наука уголовного права» (*Strafrechts wissenschaft*), сколь мало оно ни выразительно, прибавив лишь к нему слово «вся» (*gesamte*), дабы снять с него его тесный наряд»⁸, т. е. уголовное право в *расширенном смысле*, как триединство.

Лист и его сторонники отстаивали категорическое убеждение в том, что криминалист – профессор ли уголовного права, судебный следователь, полицейский и др. – не должен ограничиваться *чисто* юридическим образованием, ибо именно в нем видится «глубочайшее основание многих недостатков и несовершенств в деле борьбы с преступностью»⁹. При этом от криминалистов требуется не проведение самостоятельных криминологических исследований, а освоение в равной мере также знаний уголовной биологии и уголовной социологии, так и постановлений уголовных законов и решений кассационного суда. «С приобретением этих познаний мы, криминалисты, получим возможность требовать, чтобы при антропологических и социологических исследованиях нас выслушивали как *специалистов* по вопросам о постановке проблемы, методе и результатах исследования»¹⁰, – заключал Ф. Лист.

Однако доводы ученых о необходимости признания уголовной политики как отрасли юриди-

ческого учения о преступлении и наказании (уголовного права в расширенном смысле) оставались для юридической общественности в целом неубедительными. Убедить же общественность в обратном, т.е. доказать безусловную важность и очевидную необходимость решения вопроса в пользу криминолого-политического направления в уголовном праве, взялся, в частности, выдающийся русский юрист, политик, публицист и педагог М.П. Чубинский. Он поставил целью систематизировать научный материал относительно исторического развития и современного состояния уголовно-политического учения и сформировать собственный взгляд на данное научное направление.

Главной проблемой выступало спорное определение соотношения юридического и неюридического (антрополого-социологического) в учении о преступлении, что инициировало идею возможности расширения рамок науки уголовного права ввиду развития новых научных направлений.

М.П. Чубинский занимал в этом вопросе твердую позицию. Он был убежден в том, что в случае, если наука уголовного права продолжает замыкаться в строго юридических рамках, рассматривать жизненные явления абстрактно, лишь с их специфической стороны и таким образом «оставляет вне сферы своего видения факторы, вызывающие на свет эти явления, и законы их развития, то оно должно быть признано не наукой, а искусством; чтобы быть прикладной наукой, оно должно расширить рамки своего изучения»¹¹.

Обоснованность своей мысли Чубинский подкрепляет ссылкой на мнения некоторых ученых, в том числе своего соотечественника юриста Н.Д. Сергеевского, который, характеризуя уголовно-правовую науку как строго юридическую, допускал рассматривать ее «не наукой в точном смысле этого слова, а искусством» (выделено нами. – Авт.), но при этом указывал, что искусство является «необходимым продолжением и приложением науки»¹². То есть в уголовном праве усматривалась политическая составляющая.

Представляется, что в данном контексте многозначное слово «искусство» означает всю широкую сферу «искусной теоретической и практической деятельности людей, которая требует определённых практических навыков, обучения, умения»¹³.

В этом отношении уместно сравнение, которое дает проф. В.М. Шемякинский: «Наука – это система знаний, так как она имеет определенную сложную развивающуюся структуру. Наука больше напоминает организм, чем механизм»¹⁴ (выделено нами. – Авт.). Уголовное право в строго юридических рамках (как догма права) похо-

дит на тот самый механизм как репрессивную меру борьбы с преступностью. Его функциональность заключается в искусстве репрессивного воздействия на совершенные преступления.

А это означает, что субъект, или правоприменитель, должен строго соотносить свои решения и действия со своего рода «инструкцией», т.е. установленными правилами, нормами. Примером тому можно указать, например, судью или следователя, действующих строго в соответствии с юридическим законом, т.е. Уголовно-процессуальным кодексом, который имеет окончательное значение. Правоприменитель делает только то, что предписал ему законодатель для подобного случая, и не вправе определять какой-либо иной образ действий по существу дела, хотя это было бы более предпочтительно для его решения.

Но практика, жизнь открывают глаза на то, что вынужден игнорировать правоприменитель, вставший на букву закона, игнорируя дух права. Если правило лишено научно проработанных оснований, оно становится дисфункциональным, т.е. с нарушенными функциями, ненормальным (вспомним «мнимое преступление»). Но оно легитимировано. И если в подобном случае законодатель или иной практик будет больше руководствоваться правилами, педантично вставлять исключительно на букву закона, то в ряде случаев (когда, например, врач предпочитает допустить смерть пациента по правилам, чем его выздоровление вопреки правилам) его мало будет называть педантом¹⁵.

В этом случае в праве как бы происходит разрыв между его политической и нравственной сущностью. «Политической», т.е. выступающей в качестве инструмента государственной политико-правовой деятельности, в том числе и особенно в сфере противодействия преступности. И здесь приоритет отдается регулятивной функции, которая максимально благоприятствует государственному укреплению и развитию с помощью законов, утверждая в них необходимые нормы поведения¹⁶. И требуется немалое искусство, чтобы в этом преуспеть (в частности, субъекту уголовной юстиции), т.е. пользоваться инструментом с наибольшей эффективностью.

Что касается нравственной значимости права, выражающей его дух, то ее можно представить в виде своеобразной внутренней энергетической (духовной) силы, которая солидаризируется со справедливыми, т.е. отражающими нравственные ожидания людей, правовыми установками. В таком случае государственные «решения приобретают не только государственную, но и общественную силу, что повышает их активность»¹⁷.

Такого рода солидаризация может быть достигнута на основе глубоко продуманных и

научно выверенных прежде всего криминологическо-политических положений и рекомендаций. Подчеркнем: основания для правовых решений и правил должна предлагать наука, в нашем контексте – прежде всего «уголовная политика в связи с уголовной социологией», как назвал свой учебный курс выдающийся российский ученый С.К. Гогель. В определении ученого современная догма (т. е. истинное, или безошибочное учение, не требующее доказательства) уголовного права была направлена не на явления реальной жизни, а лишь на их юридические формы, и поэтому была не состоятельна объяснять ни действительную преступность, ни ее причины, ни меры борьбы с преступностью.

Здесь очевидна органическая связь двух составляющих: с одной стороны, знание о преступности и ее причинности выступает как *посылка*, т.е. утверждение, которое обосновывает или объясняет какое-то другое утверждение, заключение или вывод; с другой стороны – как логическое следствие, вытекающее из посылки, например, вывод, заключение, иное суждение. Эта связь выражает *неизбежные* отношения между ними, отношения логического следования¹⁸.

Такой органический характер связей криминологическо-политических знаний не мог не побудить С.К. Гогеля к адекватной оценке сложных отношений источника этих знаний – уголовной политики и уголовной социологии (криминологии). Во-первых, ученый усматривал в этих отношениях их *двуединство*, или «неразрывное целое»; во-вторых, рассматривал *уголовную политику как прикладную науку по отношению к основной науке криминологии*¹⁹.

Структура криминологическо-политических знаний приведена С.К. Гогелем в его «Курсе уголовной политики в связи с уголовной социологией». Структурирование выполнено им на основании исследований позитивистов антрополого-социологического направления и собственных наблюдений и разработок. Сегодня это можно назвать *фактологическим обоснованием*, что, кстати, особенно свойственно функциональности криминологии.

Ученый выделяет в этом сложном элементе уголовного права – системе криминологическо-политических знаний – две относительно известные подсистемы:

1) знания о внутренних (индивидуальных, содержащихся в природе человека) и внешних (объективных, содержащихся в естественной природе и в обществе, особенно в экономике) *факторах преступности*;

2) знания о репрессивных и превентивных *мерах борьбы с преступностью*.

Все эти факторы Гогель находил взаимосвязанными; выделение, исследование и удаление одного лишь фактора находил почти невозмож-

ным, речь могла идти разве что о преимущественном (детерминирующем) влиянии какого-либо из них. О чем, заметим, доказательно писал еще Ч. Ломброзо.

Давая общую характеристику факторам преступности, Гогель обращал внимание на то, что научные знания и в целом учения о данных факторах основываются отнюдь *не на умозрительных, а на позитивных теориях*. Несомненным признавалось первостепенное значение криминологического изучения социальных факторов, которые играют наибольшую роль в причинности преступности.

Что особенно важно, утверждал ученый, уголовной социологией (криминологией) уже в то время было установлено, что преступность есть «не куча случайностей», а *социальное явление*, которое «наступает, растет или убывает не внезапно, а постепенно, как следствие других явлений»²⁰. Следовательно, репрессивные меры, причем направленные на индивидуальные преступления, здесь бессильны. Необходимо было обращать усилия на *предупреждение преступлений*, в чем С.К. Гогель видел «общий *руководящий принцип*» борьбы с преступностью²¹.

И хотя догма уголовного права «держалась» практически недоступной для проникновения в нее криминологическо-политических идей, эти идеи со временем получают заметное развитие вне юридической сферы; в частности криминология обретает «прочный и все более и более разрастающийся базис»²², в котором находит прочную основу уголовная политика. И что не менее важно – криминологическо-политическое учение, опирающееся на полученные опытные знания, особенно уголовного правосудия, инициирует более чем существенную переработку уголовного законодательства в соответствии с новыми, гуманистическими идеями. В ряде европейских государств были введены ограничения на применение пыток, смертной казни и телесных наказаний, провозглашено равенство наказаний и др.

Переосмысление и соответствующее реформирование уголовного законодательства вело и к неизбежному изменению науки уголовного права. А криминологическо-политическая мысль стала заметно приобретать уголовно-догматический характер²³.

И сегодня наука уголовного права являет собой постоянно развивающуюся систему знаний не только о преступлении и наказании, уголовном праве в целом, но и методах, средствах противодействия преступности. Она призвана опираться на материалы прикладных (криминологических) исследований уголовно-правовых норм, оценивая их эффективность. Изучение правоприменительной практики открывает возможность реализации одной из важнейших за-

дач уголовно-правовой науки, а именно разработки направлений, методов и средств совершенствования уголовного законодательства *исходя из конкретной криминолого-политической ситуации*²⁴. Это – с одной стороны. С другой – «уголовно-правовая наука помогает оптимизировать качество уголовной политики, взвешенность законодательных решений»²⁵.

Таким образом инициированная в середине XIX века догмой уголовного права «протестная» позитивистская мысль (призывающая науку спуститься с умозрительных небес на землю и всмотреться в тех, кто совершает преступление, вдуматься, почему это происходит и как предупредить преступление, если репрессия не помогает избавиться от этого зла) сегодня не только в значительной мере преодолела догматическое непонимание, но и начинает признавать криминолого-политические преимущества.

Определяя понятие современной уголовной политики, авторы учебника по уголовному управлению (МГУ) подчеркивают: «Уголовная политика – это выработанная государством генеральная линия, определяющая основные направления, принципы, цели и средства воздействия на преступность **путем формирования уголовного законодательства, практики его применения** (выделено нами. – Авт.), а также воздействия на правовую культуру и правовое сознание населения. Иначе говоря, уголовная политика... определяет стратегию и тактику борьбы с преступностью мерами уголовного права»²⁶. Разумеется, *основываясь при этом на криминологических наблюдениях, объяснениях, оценках и прогнозах*.

Акцентируя внимание на этом последнем утверждении, подчеркнем его *доказательность и важность* методологическим положением о том, что «теоретическая мысль, даже безупречная по своей логической строгости, не может сама по себе вскрыть закономерности мира. Для эффективного движения она должна постоянно получать стимулы, толчки, факты из окружающей действительности посредством наблюдений, эксперимента, т. е. эмпирического познания»²⁷. Когда же работа ума, как утверждал В. И. Вернадский, лишается этих стимулов, или «питающих ее соков, тщательного и точного исследования конкретных явлений, которые только одни способны раздвигать ее рамки и давать мерку ее правильности и применимости, тогда ум человека, быстро сделав все возможные перемещения с немногими известными конкретными данными, *переходит в дальнейшем к бесплодной схоластике*» (выделено нами. – Авт.)²⁸.

Суть *единения*, в частности, криминологии и уголовной политики видится в адекватном от-

ражении криминологических знаний в политических идеях, криминологическом обосновании решений и действий в области противодействия преступности, в особенности средствами уголовно-правовых наук.

Подчеркиваем: «единения», а не «объединения». Семантический анализ (активно разрабатывается невско-волжской криминологической школой в изучении преступных подсистем) подсказывает: *единение* означает органическую связь, присущую системе, именно эта связь имеет первоочередное значение для ее самоорганизации; *объединение* указывает на искусственный характер связи. Этот относится и к системе уголовно-правовых наук.

В этом отношении ретроспективный взгляд в многоотраслевую науку о преступлении и наказании учит смотреть на современное ее развитие не замыленным, а просвещенным взглядом. Примечательно к тому же, что наша наука получила новое рождение именно во времена ключевой эпохи Просвещения.

Библиографический список

1. Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией [Текст] / С.К. Гогель. – С.-Петербург, 1910. – 505 с.
2. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество [Текст] / А.И. Долгова. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. – 572 с.
3. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление [Текст] / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 110 с.
4. Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть [Текст] / Разрешённый автором перевод с 12-го переработанного издания Ф. Ельашевич. С предисловием автора и М.В. Духовского. – М.: Товарищество типографии А.В. Мамонтова, 1903. – 334 с.
5. Логическое следствие – Logical consequence [Электронный ресурс]. URL: https://dev.abcdef.wiki/wiki/Logical_consequence (дата обращения: 07.03.2023).
6. Лунеев В.В. Теории права и криминальные реалии [Текст] / В.В. Лунеев // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2015. – № 1 (36). – С. 2–35.
7. Масленникова В.Ш. Синергетика как новый методологический подход к воспитанию в системе профессионального образования [Электронный ресурс]. URL: <http://smolapo.ru/sites/default/files/Меропр/OFAP%20SPO%6007/res/pages/innovacii/6.htm> (дата обращения: 09.03.2023).
8. Милль Д.С. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования [Текст] / Пер. с англ. Предисл. и прил. В.К. Финна. – Изд. 5-е, испр. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2011. – 828 с.
9. Мировые религии о преступлении и наказании [Текст] / А.И. Бойко и др. – М.: РИПОЛ классик, 2013. – 606 с.

10. Системный интегратор [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Systems_integrator (дата обращения: 09.03.2023).

11. Современное уголовное право и криминология. Сб. научн. тр. Сер. «Правоведение» [Текст] / Центр социал. научн.-информ. исслед. Отдел правоведения, ИГПАН, Гос. ун-т Высш. шк. экономики; Отв. ред. А.Э. Жалинский. – М., 2007. – 252 с.

12. Спиркин А.Г. Философия [Текст]: Учебник / А.Г. Спиркин. – 2-е изд. – М.: Гардарики, 2006. – 736 с.

13. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров [Текст] / Отв. ред. А.И. Плотников. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. – 442 с.

14. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов [Текст] / Под ред.

д.ю.н. В.С. Комиссарова, д.ю.н. Н.Е. Крыловой, д.ю.н. И.М. Тяжковой. – М.: Статут, 2012. – 879 с.

15. Чубинский М.П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права [Текст] / Сост. и вступ. статья В.С. Овчинского, А.В. Федорова. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 435 с.

16. Шемякин В.М. Философия и наука [Электронный ресурс]. URL: <https://refdb.ru/look/2465709-pall.html> (дата обращения: 05.03.2023).

17. Шершеневич Н.С. Эстетика: курс лекций. Глава 7. Природа искусства [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.grsu.by/shershenevich/glava-7.html#:~:text=Искусство%20-%20мастерство%2C%20умение%2C%20ловкость%2C,выстраивать%20отношения%20и%20тому%20подобное> (дата обращения: 10.03.2023).

¹ См.: Масленникова В.Ш. Синергетика как новый методологический подход к воспитанию в системе профессионального образования [Электронный ресурс]. URL: <http://smolapo.ru/sites/default/files/Meropr/OFAP%20SPO%206007/res/pages/innovacii/6.htm> (дата обращения: 09.03.2023).

² См.: Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. С. 372–373.

³ Лунеев В.В. Теории права и криминальные реалии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 1 (36). С. 26.

⁴ Там же.

⁵ Системный интегратор [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Systems_integrator (дата обращения: 09.03.2023).

⁶ См.: Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть / Разрешённый автором перевод с 12-го переработанного издания Ф. Ельяшевич. С предисловием автора и М.В. Духовского. М.: Товарищество типографии А.В. Мамонтова, 1903. С. 71–72.

⁷ Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. С. 14.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Там же. С. 15.

¹⁰ Там же.

¹¹ Чубинский М.П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / Сост. и вступ. статья В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М.: ИНФРА-М, 2008. С. 27.

¹² Там же. С. 28.

¹³ Шершеневич Н.С. Эстетика: курс лекций. Глава 7. Природа искусства [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.grsu.by/shershenevich/glava-7.html#:~:text=Искусство%20-%20мастерство%2C%20умение%2C%20ловкость%2C,выстраивать%20отношения%20и%20тому%20подобное> (дата обращения: 10.03.2023).

¹⁴ Шемякин В.М. Философия и наука [Электронный ресурс]. URL: <https://refdb.ru/look/2465709-pall.html> (дата обращения: 05.03.2023).

¹⁵ См.: Милль Д.С. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Пер. с англ. Предисл. и прил. В.К. Финна. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 699–700.

¹⁶ См.: Мировые религии о преступлении и наказании / А.И. Бойко и др. М.: РИПОЛ классик, 2013. С. 71.

¹⁷ Там же. С. 72.

¹⁸ См.: Логическое следствие – Logical consequence [Электронный ресурс]. URL: https://dev.abcdef.wiki/wiki/Logical_consequence (дата обращения: 07.03.2023).

¹⁹ См.: Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. С.-Петербург, 1910. С. 3.

²⁰ Там же. С. 161.

²¹ См. там же.

²² Чубинский М.П. Указ. соч. С. 373.

²³ См. там же. С. 337.

²⁴ См.: Уголовное право России. Общая часть: Учебник для бакалавров / Отв. ред. А.И. Плотников. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. С. 32.

²⁵ Современное уголовное право и криминология. Сб. научн. тр. Сер. «Правоведение» / Центр социал. научн.-информ. исслед. Отдел правоведения, ИГПАН, Гос. ун-т - Высш. шк. экономики; Отв. ред. А.Э. Жалинский. М., 2007. С. 8.

²⁶ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. д.ю.н. В.С. Комиссарова, д.ю.н. Н.Е. Крыловой, д.ю.н. И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. С. 34.

²⁷ Спиркин А.Г. Философия: Учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2006. С. 444.

²⁸ Там же.

**CRIMINOLOGICAL AND POLITICAL ASPECT OF CRIMINAL THEORY.
LESSONS FROM THE PAST FOR MODERN EDUCATION**

G.N. Gorshenkov

*Professor of the Department of Criminal Law and Process of the Law Faculty of the Lobachevsky State University of
Nizhny Novgorod, Doctor of Sciences (Law), Professor*

The problem of integration of criminal law sciences in the context of a systemic criminal threat to the national security of Russia is considered. A retrospective look at the integration role of criminology and criminal law as a system integrator in optimizing means of combating crime is presented. The main factor preventing this is indicated - the disunity of criminal law sciences and practices, due to the underestimation of the factual basis of legislation and the corresponding support for its implementation. The essence of unity and unification of criminal law sciences and practices is considered.

Keywords: scientific specialty, chaos, self-organization, system integrator, dual unity, solidarity, factual justification.